

Режиссер подобен воробью

Общая газета,
-1999.-15-21 июля,
-с.10

Павел Лунгин, которому исполнилось 50 лет, живет в Париже, но кино будет снимать в России

В начале 90-х фильмы этого режиссера вызвали бурные споры, а фильм «Такси-блюз» был удостоен приза за режиссуру в Каннах. Но уже давно о Лунгине ничего не слышно — шесть лет, как он живет в Париже. С каким настроением режиссер встретил свой юбилей — Павел ЛУНГИН рассказал «ОГ».

— Наконец начинаю снимать новый фильм — «Свадьба». Весь сюжет укладывается в 24 часа — от утра до утра. Такая многолюдная фреска о всепобеждающей любви. Деньги — французские, немецкие и итальянские. Собирался часть денег искать в России, но кризис изменил планы и отодвинул начало съемок. Так что уже отобранные актеры разбрелись кто куда. Снимать буду в Тульской области, в деревне Липки.

— Живете на французские деньги, а снимать хотите в России, о России и с русскими актерами. Почему?

— Я так и не сумел войти во французскую жизнь. Поэтому если даже сниму не русское, то и не французское кино. А, скорее, американское. Ведь в американской жизни, как и в русской, присутствует мифологическое измерение, какого в помине нет у французов. Если американец снимет фильм про изобретателя, который придумал лекарство, чтобы покорить мир, то француз предпочтет помощника аптекаря, украсившего несколько пакет снотворного для любовницы.

— А как обойдутся с таким сюжетом у нас?

— В России будет, наверное, депутат, добывающий редкое лекарство прямехонько к выборам. Мы при всех трудностях не перестали

мечтать о чуде. Для французов же не существует ничего таинственного. В сортире на парижском блошином рынке я прочел: человек рождается один и умирает один. Так что здесь одна мечта — получить мелкое удовольствие и вдобавок бесплатно. Поэтому неплата налогов превратилась просто в национальный спорт.

— А как же другой национальный спорт — любовь?

— Здесь тоже все рассчитано и расчислено. Любовь для французов — какие-то слабые вибрации, на уровне жужжания и покалывания. Оттого они склонны жениться на русских проститутках: старая культура нуждается в возбуждении. И упаси бог, чтобы такая невеста говорила по-французски или прочла какую-то книжку. Не зря Фонвизин писал: француз души не имеет, да и иметь таковую почитал бы за величайшее для себя несчастье. Но, возможно, когда у нас окрепнет класс средней буржуазии с ее любовью к хорошим вещам и покою, и в России все поменяется...

— Почему в Париже столько русских?

— А в Америке? В Лос-Анджелесе их 700 тысяч, в Нью-Йорке — больше миллиона. Но почему в Америке «наших» не видно? Где их песни у костра о том, как они мечтают увидеть небо над Хьюстоном? Русский в Америке растворяется, плодится, вступает в отношения с пенсионным фондом и несколько не похож на несчастное существо, баюкающее свою боль на берегу Сены. А во Франции даже эмигранты в третьем поколении любят подчеркнуть свою «русскость».

— Французы выделяют русских из разноязычной толпы эмигрантов?

— Отношения русских и фран-

цузов — это притягивание противоположностей. Не случайно именно дикие русские купцы были первыми, кто разглядел гениальность импрессионистов. Долгое время Россия и Франция были близки: Франция же насквозь пропитана левой идеологией. Сегодня мы больше не вызываем восхищения и не внушаем страх. Потихоньку Россия начинает дрейфовать куда-то вдаль, в сторону Африки. Изменение отношения к России я чувствую на себе: достать деньги на фильм стало сложнее.

— А вам заказывали французский фильм?

— Так сложилось, что меня воспринимают здесь как «художника». Я, видимо, недостаточный профессионал, чтобы мне заказывали что-то серьезное, но и не такой бездарь, чтобы из меня тащили всякую муть. Я нахожусь в той благословенной середине, когда могу решать сам. Вот недавно у меня появилась идея снять очень дешевый фильм, чуть ли не на видео: историю из жизни арабских хулиганов, работающих в зале видеоигр.

— В последнее время у нас много говорят о необходимости кино, способного поднять дух нации. На ваш взгляд, это перспективно?

— Все зависит от самооощения. Я воспитан в 60-х годах и привык шарахаться от высоких слов. Да и куда уж простирать патерну над нацией, когда не всегда знаешь, что родному сыну посоветовать? Американцы в каждой картине честно отрабатывают государственный заказ. Придуманные их кинематографом ковбои и байки о нефтеразработках воспринимаются сегодня как реальная история нации. Американское кино утверждает: нам не страшны ни извержения вулкана, ни падаю-

щие сверху раскаленные металлические шарики: потому что мы — от президента до последнего алкоголика — если понадобится, встанем как один. Что-то похожее было в советском тоталитарном кино. А вот во Франции людей объединять не надо, их культура и так монолитна. Так что их «национальное» кино — глупые комедии на исторические сюжеты.

— Хорошо ли ругать французов, сидя в прекрасной квартире на набережной Бастилии?

— Режиссер — птица, которая летит туда, где ей дадут пшена. Конечно, я не справедлив, кусая ту единственную руку, которая меня приласкала. Просто я по-настоящему неравнодушен к Франции. Но я прошел здесь долгий путь. Было чувство опьянения, уверенность, что французы — чудные ребята. Было чувство отчаяния, что вокруг — говно и предатели. Скорее всего, это состояние и называют депрессией.

— Может, это ностальгия?

— Только если считать ностальгией тоску не по определенному месту, а по самому себе, по своему детству, попытку найти то, что ушло навсегда... Конечно, здесь вкусная еда, спокойная жизнь, а Париж — чудный город. Но состоявшихся во Франции русских можно пересчитать по пальцам. Такое впечатление, что Франция радушно их принимает, немного объедает и отбрасывает. По своему опыту я твердо знаю, что художник не может выйти без потерь из испытания эмиграцией. Впрочем, я съездил и в Америку — огляделся, завел собственного агента. Может, сделаю что-то за океаном. Я же хочу работать: жизнь проходит, и я хочу снимать кино.

— То самое — про свадьбу?

— Может, и про свадьбу, но на самом деле — про себя.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА